

5.7.9. – Философия религии и религиоведение (философские науки)

Научная статья

Research article

УДК 125+13

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.102–107>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Оправдание творчества в софиологии С.Н. Булгакова

Токранов А.В.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируется понимание взаимосвязи Божественного и человеческого творчества, раскрываются антропологические и сотериологические аспекты творчества в софиологической философии и богословии прот. С.Н. Булгакова.

Ключевые слова: софиология, космология, Творение, взаимосвязь Бога и мира.

Для цитирования: Токранов А.В. Оправдание творчества в софиологии С.Н. Булгакова. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2025;(2(69)):102–107.

The justification of creative activity in S. Bulgakov's sophiology.

Tokranov A.V.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The article is dedicated to one of the aspects of S. Bulgakov's sophiology, namely his understanding of the interrelation between the creative ability of man and the creative action of God. The anthropological and soteriological aspects of man's creative ability are analyzed.

Keywords: sophiology, cosmology, the Creation, God-world relationship.

For citation: Tokranov A.V. The justification of creative activity in S. Bulgakov's sophiology of . *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin.* 2025;(2 (69)):102–107 (In Russ.)

Проблема творчества – одна из ключевых для понимания русской религиозной философии. Основной интенцией русских философов являлось религиозное оправдание мира, творения, человека. Русский религиозно-философский ренессанс начинается с вопросов религиозного оправдания культуры, социальной активности, вообще всех сфер, где инициатива принадлежит человеку [1]. В конечном

итоге речь идёт о религиозном смысле человеческой самостоятельности как таковой, об антроподицее, о смысле существования человека как свободного духовного существа. Именно такой вид проблема творчества принимает у Н. Бердяева, видевшего в творчестве реализацию божественного предназначения человека. Именно в творческой способности заключено богоподобие человека. Помимо Бердяева,

теме творчества уделял внимание и его друг и оппонент С. Булгаков. В этом отношении значительный интерес представляет попытка Булгакова включить тему творчества в онтологический и космологический контекст. Творческая способность понимается Булгаковым не как изолированная, но как фундаментальное онтологическое свойство человека. В рамках своей софиологии Булгаков дает богословско-философское обоснование данного тезиса. Реконструкцию мысли русского философа мы попытаемся дать в нашей статье.

Тема Творения в классической богословской традиции рассматривалась в основном через призму натурфилософии или философской онтологии. Здесь главной задачей было понять, что значит для мира быть «сотворённым», какой онтологический статус придаётся ему в акте творения, и какая связь устанавливается через этот акт между Творцом и творением. Важно также отметить, что здесь единственным субъектом творения выступал Бог, с человеком творческая способность не ассоциировалась. В рассматриваемых нами учениях предпринимается попытка найти сущностную связь между Божественным творением и человеческим творчеством.

Булгаков одним из первых в русской философии обращает внимание на эту тему; он приходит к ней через марксизм. Марксистскую утопию построения идеального общества он переосмысляет как религиозную задачу преображения материального космоса и человеческого общества. В дальнейшем главной интенцией как религиозной философии, так впоследствии и теологии Булгакова было раскрытие связи божественного и человеческого.

Как мы указали, Булгаков стремится осмыслить идею Творения в контексте софиологической концепции, в которой видит обоснование возможности оправдания мира. Творение должно быть укоренено в Боге, осуществлять-

ся из божественной сущности, только так оно может быть оправдано. Ведь ничто внебожественное не имеет смысла и права на существование. В противном случае мы должны прийти либо к монистическому, монофизитскому исчезновению мира в едином начале – как бы оно ни трактовалось – спиритуалистически или материалистически-, либо к фактическому признанию за творением статуса альтернативной Богу реальности. [2, с. 7-11] Антиномичность творения в том, что оно одновременно и укоренено в Боге, и свободно по отношению к Нему. Булгаков осмысляет эту антиномичность через мифологему Св. Софии. Хотелось бы также отметить, что способ решения Булгаковым проблемы творчества радикально разводит его философию с гностической традицией, влияние которой на мыслителя подчёркивает А.П. Козырев [3].

Связь между Богом и миром устанавливается в акте Божественного творения. Связь человека и мира, человека и Бога также осмысляется через божественное Творение. Человек как творец является проводником Божественного творческого действия в мире. Так увязывается тема божественного Творения и человеческого творчества. Но через это человек соприкасается с Божественным, становится проводником в мир Божественных энергий. В целом, по Булгакову, человек предназначен к осуществлению софийного космоса, через него осуществляется Божественное действие, которое поэтому оказывается в мире сущностно богочеловеческим. Бог творит по образцу, и человек по образцу – божественному.

В софиологии Булгакова творение понимается как выражение предвечной Божественной сущности, как самораскрытие Божества вовне, которому соответствует самооткровение Божества в Софии. Творение повторяет событие внутрибожественной жизни,

безусловно необходимо, но не в смысле внешней детерминированности, а в смысле внутренней смысловой самообусловленности.

Целью творения является само Божество, но находит оно себя в своём Другом, в мире, в инобытии, через человека. Любое подлинное действие есть творческое действие, софиология Булгакова может пониматься как оправдание человеческого творческого начала.

Уже в первом своём крупном произведении, «Философия хозяйства», Булгаков ставит тему творчества в центр, сближая с ним марксистское понятие производства. Через понятие труда Булгаков (вслед за Марксом) решает ключевую ключевую для философской классики проблему взаимодействия субъекта и объекта, постулируя их изначальное единство как условие возможности труда. *Производство* понимается здесь как выход субъекта за свои пределы. «Субъективное здесь объективируется, грань, лежащая между субъектом и объектом, снимается, субъект актуально выходит из себя в объект» [4, с. 121]. Это – снятие отчуждения, выход в мир из самозамкнутости Я. Булгаков подчёркивает лишь формально отличие между хозяйством и искусством, художественным творчеством. «И там, и здесь с мира частично снимается лежащий на нём покров от человека или от субъекта, объектности или вещности, и в вещи внедряются и начинают просвечивать в них идеи, цели, механизм уступает место телеологии, точнее с ней неразрывно и даже неразличимо отождествляется.» [4, с. 121].

По Булгакову, Я, субъект не отделён от мира, объекта, но включён в него, изначальным является – отношение «субъект-объект», отношение включённости Я в природу (и, шире, в *Другого*, о чём Булгаков подробно не пишет, но что в русской мысли детально разбирается, например, С. Л. Франком в его

социальной философии). Это динамическое, живое соотношение, предполагающее постоянное самотрансцендирование Я без его утраты и растворения в Другом. Это отношение реализуется в первую очередь в хозяйствовании, которое понимается Булгаковым как производство, а производство – как труд, который есть творчество. «Хозяйство есть творческая деятельность человека над природой» [4, с. 155]. Таким образом, творческая деятельность для Булгакова – это фундаментальное отношение человека к миру, онтологическая характеристика человека. Через творчество трансцендируется Я, происходит включение человека в космическое целое и, через это, соединение с Богом. Если мы вспомним, что любовь и в христианском богословии, и в софиологии понимается как выхождение за собственные границы, преодоление эгоизма и нахождение себя в Другом, то очевидно, что трактовка творчества Булгаковым показывает, что для него любовь и творчество суть одно, суть две фундаментальные формы выражения тварного богоподобия. Это не внешний и случайный момент в истории спасения, ософииения мира, но единственно подлинный путь к нему.

Творчество для Булгакова – это, в первую очередь, внесение порядка в хаос, «ософииение» мира, преобразование Божественного космоса сообразно его предвечному божественному образцу. В «Философии хозяйства» он исследует трансцендентальные условия его возможности. Здесь ключевым моментом является утверждение онтологической реальности творчества, берущего начало в Божественной реальности. Любое подлинное творчество софийно, т.е. выражает реальность софийного космоса, укоренено в Боге, а не в тварном Ничто. «Творчество требует для своего существования двух условий: наличности, во-первых, замысла, свободы изволения, и, во-вторых,

мощи, свободы исполнения» [4, с. 156], т. е. личной, «самочинной» свободы, и возможности, силы эту свободу осуществить. И если первое условие осуществляется свободной личностью как образом Божиим, то второе условие может быть осуществлено только Богом. «Для того, чтобы творить, надо не только хотеть, но и мочь, надо ставить себе выполнимую задачу, иначе творчество окажется или невозможным, или недовершенным» [4, с. 156]. Лишь Бог даёт эту возможность. Творчество для человека «не есть творчество из ничего, но лишь воссоздание, воспроизведение данного, сделавшегося заданным, и это воссоздание становится творчеством лишь постольку, поскольку оно есть свободное и трудовое воспроизведение» [4, с. 159]. Притязание на безусловную метафизическую оригинальность и творческую самодостаточность для Булгакова – соблазн сатанизма. Но в теме творчества у Булгакова явно присутствует также и сотериологический аспект. Отношение человека и мира устроено в софийном космосе так, что их взаимодействие предполагает взаимное спасение. Ведь если для человека предназначением является упорядочивание мира согласно софийному образцу, то ясно, что осуществить это предназначение он может, лишь устроив согласно этому образцу самого себя.

В третьей части Большой богословской трилогии – книге «Невеста Агнца», своей самой поздней, итоговой работе Булгаков исследует онтологические основы творчества, уходящие корнями в творческое деяние Бога, а также его связь с тварной свободой. «То, что мир сотворён «из ничего», значит лишь, что мир существует в Боге и только Богом, ибо собственного основания бытия в нём нет» [2, с. 11]. Это основание – мир Божественных идей понимается Булгаковым как «самооткровение Божие в Божественной Софии,.. Божественный мир, сущий в

Боге и для Самого Бога» [2, с. 37]. В Боге не может быть случайности и произвола, в Нём свобода и необходимость суть одно, и поэтому, делает вывод Булгаков, «идеи разных и многообразных возможностей в Боге, осуществлённых и неосуществлённых, должна быть противопоставлена идея единственности путей Божиих, исключающей всякие иные, неосуществлённые возможности». [2, с. 38] Далее Булгаков пишет, что именно вследствие этого нельзя полагать, что Бог мог бы воздержаться от Творения, ибо «Творение мира не есть какое-то добавочное extra, некоторый plus к собственной жизни Божией, нет, оно входит в Божественную жизнь со всей силой необходимости или совершенно тождественной с нею в Боге свободы». [2, с. 38]. Но при этом автор не различает сам изначальный акт Творения мира в своей основе, в целом, и так сказать, единичные творения, возникновение единичных вещей (чётко различаемые, к примеру, у Фомы, как протекающие согласно первичной и вторичным причинам соответственно). Однако наполнение мира конкретным содержанием как раз и осуществляется на путях тварной свободы и не может быть детерминировано Божественной природой.

Творческий акт Божества имеет основание в самой Божественной природе. (Н. А. Ваганова, напр., описываемый Булгаковым процесс воипостазирования через иную ипостась иллюстрирует с помощью аналогии художественного творчества [5, с. 319-320]). «Если Бог сотворил мир, это значит, что Он не мог не сотворить его, хотя акт Творца принадлежит к полноте жизни Божией и в нём нет никакой внешней принудительности, противоречащей Божественной свободе» [2, с. 38]. Оно абсолютно, ничем не ограничено. В то же время «человеческое творчество частично и ограничено по своему замыслу, и оно связано в средствах, в которых нуждается и которыми обусловлено. ...

Тем не менее и оно имеет в себе некоторые черты, его отличающие от причинной, механической связи, как нечто *suī generis*. Именно, ему свойственно, в отличие от причинности, исхождение из себя и в себя вчинание – самооткровение Творца в творении. Здесь возникает нечто новое, причинно не обусловленное, и вместе с тем оно связано и со своим творцом, как ему принадлежащее» [2, с. 45]. Творчество, в отличие от причинной связи, свободно, «экземплярно», ново. В этом суть «творения из ничего». Но человеческое творчество ограничено не только конечностью тварной природы. Оно содержательно детерминировано божественным творчеством, софийными первообразами. Однако, реализованные в божественной Софии, в божественной природе, они благодаря акту творения получают независимое существование. «Бог, “творя мир”, т.е. давая ему самобытие, в то же время не отнимает от него Божественной силы его бытия, но полагает его как бы вне Себя, отпускает его от Себя на божественно-внебожественное, даже не Божественное бытие. Это именно и значит, что Бог творит мир... Бог не может не быть Творцом, как и Творец не может не быть Богом. Одним и тем же предвечным Божественным актом Бог есть Бог и Творец». [2, с. 58-59]. Творение есть раскрытие Божественной полноты вовне, Бог не может не быть Творцом именно потому, что Он есть бесконечная полнота бытия, содержащая в Себе и снимающая в Себе противоположность между «внутри» и «вне». «Сотворение мира было уже в самом основании жертвенным актом Божественной любви, вольным самоистощением или самоуничтожением Божества, его «ке-нозисом», который находит оправдание лишь в себе самом, в блаженстве жертвующей любви». [6, с. 289] И это значит, что акт творения предполагает их взаимную связь узами любви и возврат творения к Творцу. Ещё Владимир

Соловьёв указывал на глубокую связь между Божественной любовью и Божественным творчеством [7, с. 97]

И раз творчество связано с любовью, оно, по Булгакову, в существе своём личностно. Творчество есть самооткровение, самополагание личности вовне. Именно диалектика природы и личности, «яйности» (*Ichheit* по Фихте), объективной данности и свободного самоопределения представляется для Булгакова ключевой для осмысления творчества. В Боге оба этих момента совпадают, а в человеке данность ограничивает свободу. Но именно в этом творческое призвание человека. Бог в творении выступает из Себя и раскрывается в мир, человек в творческом акте раскрывает себя навстречу Богу, осуществляя своё богоподобие. Так раскрывается сотериологическое измерение творчества. «Сама эта свобода всё-таки пуста, она ничего в себе не содержит, и тема этой свободы и связанного с ней творчества дана в Божественной энтелехии тварного бытия и тем задана к “свободному” её исполнению или раскрытию» [2, с. 62]. В творческом акте человек как бы восполняет свою онтологическую недостаточность, наполняет свою «пустую» свободу Божественным содержанием.

Полемизируя с Фомой Аквинским, с его различием божественного знания о реальных и возможных событиях, он пишет, что «мысли Божии суть и дела Божии» [2, с. 28]. Но из этого следует, что в делах Бог выражает себя полностью, весь раскрывает себя в Творении, что необходимо ведёт либо к признанию конечности Бога, либо к признанию актуальной бесконечности Творения. Из перспективы тварного бытия актуальная бесконечность Бога в соединении с Его абсолютной осуществлённостью совпадает с его бесконечной потенциальностью, поскольку актуальная бесконечность не может быть осуществлена в рамках пространственно-временного бытия.

А софиология Булгакова утверждает соразмерность Божественной природы как Софии и мира как выражения Божественной природы в инобытии. Софийный космос интерпретируется Булгаковым как конечный, завершённый, в сущности, в античном духе. Поскольку космос – это, в сущности, проекция Божественной сущности, Софии, то напрашивается вывод, что эта сущность тоже конечна, мир и Бог взаимно определяют друг друга.

Если Бог бесконечен, то спор не имеет смысла, поскольку Божественная сущность, даже будучи в себе полностью осуществлённой, для мира всё равно будет раскрываться как сфера

бесконечных и всё время новых возможностей. Сама реализация творческого замысла в мире уже означает, что его содержание восходит к Божественной сущности, ибо вне Бога ничего не существует. Но эта абсолютная действительность и актуализированность абсолютно неисчерпаема и поэтому есть абсолютная потенция, абсолютная возможность.

Таким образом, тема творчества, хоть и неявно, выступает одним из ключевых элементов в софиологии о. Сергия Булгакова как важнейшая часть антропологии и религиозного оправдания сотворённого Богом бытия.

Список литературы / References

1. Записки Петербургских Религиозно-философских собраний (1901-1903). – М.: Республика, 2005. – 543 с.
Protocols of St-Petersburg Religious-Philosophical Meetings (1901-1903). – М.: Respublika, 2005. – 543 p. (In Russ.)
2. Булгаков С., прот. Невеста Агнца. – М.: Общедоступный православный университет, основанный прот. А. Менем, 2005. – 656 с.
Bulgakov S. Bride of the Lamb. M.: Alexander Men Open orthodox university, 2005. – 656 p. (In Russ.)
3. Козырев А. П. Софиология о. Сергия Булгакова: "теологема" или "философема"? // Философия религии: альманах. 2011. № 2010-2011. С. 226-240.
Kozyrev A.P. Sophiology of S. Bulgakov: "theologeme" or "philosopheme"? // Philosophy of religion: almanach. 2011. № 2010-2011. P. 226-240. (In Russ.)
4. Булгаков С. Н. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Наука, 1993. – 608 с.
Bulgakov S.N. Works in 2 vol. Vol.1. M.: Nauka, 1993. – 608 p.
5. Ваганова Н.А. Софиология протоиерея Сергия Булгакова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – 464 с.
Vaganova N.A. Sophiology of Father S. Bulgakov. – M.: PSTHU Publishing House, 2011. 464 p. (In Russ.)
6. Булгаков С. Н. Свет Невечерний. – М.: Республика, 1994. 416 с.
Bulgakov S.N. Unfading Light. – M.: Respublika, 1994. 416 p. (In Russ.)
7. Соловьёв В.С. Сочинения. Т.2. М.: Наука, 2000. – 400 с.
Solovyov V.S. Works in 2 vol. Vol.2. M.: Nauka, 2000. – 400 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Токранов Александр Владимирович, кан.филос.наук, доцент, Казанский (При-волжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии. Author ID 505621; ORCID ID 0000-0002-0391-6765, e-mail: alextokranov@rambler.ru

Information about author

Tokranov Alexander, PhD, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Religious Studies. Author ID 505621; ORCID ID 0000-0002-0391-6765, e-mail: alextokranov@rambler.ru